№ 21
Ноябрь 1998

Право на свободу

Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна—96"

5 ноября г. Минск

Зарплату!

«Зарплату!» — требовали 5 ноября минские рабочие на митинге Свободного профсоюза (СПБ).

Митинг в защиту социального статуса рабочего и его «потребительской корзинки», местом проведения которого значился бульвар Тракторостроителей, стал попыткой рабочих выйти на прямой контакт с правительством.

Определенное недоверие читалось сначала на лицах людей, которые от проходной МТЗ направлялись к толпе вокруг выступавших. Организаторы митинга — руководители Свободного профсоюза Виктар Ивашкевич, Марыя Алиева и Ирына Жыхар — требовали незамедлительного повышения зарплаты, придания ей статуса первоочередного платежа, ежемесячного предоставления Свободному профсоюзу эфирного времени на государственных радио и телевидении.

Выступающих было много: рабочий Виктар Валаед из Бобруйска, профсоюзный деятель Сяргей Абадовски из Могилева, представители солигорских шахтеров. Мнения выступающих сходились в одном — дальше так жить нельзя, так как люди начинают умирать из-за того, что не могут нормально питаться и покупать лекарства. Представитель президентской команды Иван Пашкевич ярко продемострировал свои способности общаться с народом. Он начал убеждать трудящихся в том, что злыдни, работающие за стодолларовые купюры, специально собрали людей — нужно же отрабатывать буржуйские денежки. Над толпой в ответ выразительно прозвучало: «Кончай нести ерунду!»

Предложение представителей отнести резолюцию митинга в резиденцию президента резко изменило настроения. Сначала многие отнеслись к этому делу скептически, однако за колонной с флагом Свободного профсоюза потянулась большая часть участников митинга. Милиция вряд ли была подготовлена к шествию, поэтому весь путь от МТЗ до резиденции только уговаривала людей разойтись, устрашая соответствующими указами и постановлениями. Кстати, журналист Валеры Щукин в своем выступлении предложил сокращение милиции — 126 тысяч и личной охраны президента — 4 тысячи — в качестве одного из решений экономического кризиса. На проспекте Скарыны к митингующим, требовавшим «Зарплату!», присоединялись встречные прохожие, те, кто ничего не смог купить в магазине кроме молока и хлеба.

Дойти дали почти до самой резиденции. Тут выскочили из машин ОМОНовцы, сделали «коридор», по которому заявители митинга г-н В. Ивашкевич, М. Алиева и журналистка И.Жыхар понесли петицию в резиденцию.

Возвращения посланников ожидали долго. Петицию все же отдали дежурной, которая ее зарегистрировала и пообещала пустить по столам «в общем порядке».

На протяжении месяца руководство Свободного профсоюза будет добиваться переговоров с президентом и выполнения своих требований.

К рабочим Минска присоединились с акциями протеста против государственного беспредела трудящиеся других городов: Солигорска, Мостов, Гомеля.

А.М.

Хроника

В ночь на 1 ноября был ограблен офис редакции независимой газеты «Навіны» (до запрещения официальными властями 24 ноября 1997 года — газета «Свабода»). Неизвестные через окно забрались в помещение редакции, которое находится на первом этаже жилого дома на улице Змитрака Бядули. Грабители действовали профессионально. Все современные компьютеры были демонтированы в ванной комнате. Украли диски с памятью и платы процессора. Уничтожен архив газеты, база данных, 2000 фотоснимков, которые находились в памяти компьютеров. База данных накапливалась восемь лет, восстановить ее практически невозможно. Из редакции вынесли также факс и цветной принтер. Издатель газеты Павел Жук уверен, что это происшествие — «результат деятельности спецслужб накануне массовых акций протеста». Редактор газеты «Навіны» Игар Гермянчук подчеркивает, что «газета будет выходить несмотря ни на что». Следствие по делу ведут сотрудники Партизанского РОВД г. Минска.

1 ноября беларусская оппозиция провела в Минске традиционное шествие и митинг, посвященные Дню поминовения предков «Дзяды». В колонне, которая начала свой путь от площади Якуба Коласа, было 2500-3000 человек. В Курапатах, на месте массовых расстрелов жертв сталинизма, состоялся траурный митинг, который открыл и вел заместитель председателя Беларусского Народного Фронта Юрась Беленьки. На митинге выступали Генадзь Карпенка, Юры Захаранка, Радзим Гарэцки, Юры Хадыка и другие известные люди.

1 ноября в Новополоцке инициативной группой членов местной Рады БНФ «Адраджэньне» был проведен пикет против падения жизненного уровня населения Беларуси. Власти не разрешили провести пикет в центре города, поэтому он состоялся в парке культуры и отдыха г. Новополоцка.

(Продолжение на стр. 6)

Задержания и суды

В акции 5 ноября, организованной Свободным профсоюзом (СПБ) в Минске, приняло участие около 2 тысяч человек.

Сразу же после окончания шествия были задержаны 10 человек:

1. Ивашкевич Виктар (заявитель акции); 2. Мацкойць Сяргей (рабочий-строитель); 3. Лазарчык Алена (жена Мацкойця С.); 4. Раманав Микалай (рабочий минского автозавода); 5. Канапацки Вадзим (наблюдатель Правозащитного Центра «Вясна-96»); 6. Касцяневич Юрась (несовершеннолетний); 7. Петрашкевич Павел (несовершеннолетний); 8. Дранчук Цимафей (несовершеннолетний); 9. Скрабец Павел (водитель с МАЗа); 10. Скочка Явген.

Заявительнице митинга М.Алиевой и ее дочери, а также журналистке Жыхар Ирыне утром 6 ноября сотрудники милиции вручили судебные повестки в их квартирах. На следующий день, 6 ноября 1998 года, в Партизанском суде г.Минска состоялись судебные процессы над задержанными. Кроме того, в здании суда был задержан журналист Валеры Щукин. Трем задержанным: Лазарчык А., Жыхар И. и Алиевой М. суд вынес предупреждения. Остальным судебные процессы были перенесены на 12, 16 и 18 ноября 1998 г.

7 ноября, в субботу, на квартиру председателя Правозащитного Центра «Вясна-96» А.Бяляцкого пришли сотрудники РОВД Партизанского района г. Минска. Они обвинили его в том, что 5 ноября он принимал участие в несанкционированном шествии трудящихся. А.Бяляцкий получил повестку, в которой сообщалось, что 9 ноября в 11 часов утра он должен явиться в суд Партизанского района.

В качестве свидетелей на суде выступали сотрудники Партизанского РОВД — Скурат Виктар Вацлававич и Лявицки Сяргей Рыгоравич. Они засвидетельствовали, что А.Бяляцки шел в колонне демонстрантов и «выкрикивал что-то о зарплате». На самом деле Алесь Бяляцки присутствовал на митинге в качестве наблюдателя.

Судья Трубникав М.А. обвинил Алеся Бяляцкого в нарушении статьи 167-1, часть 2 Кодекса об административных нарушениях. Суд вынес ему предупреждение. Хотя, согласно Устава, основной задачей Правозащитного Центра является «изучение состояния гражданского общества и правовой защиты в г. Минске». Таким образом, присутствие наблюдателей на акции было обусловлено Уставом. Во время профсоюзной акции 5 ноября Вадзим Канапацки (задержан после окончания шествия) и Алесь Бяляцки исполняли свои обязанности — наблюдали за действиями сотрудников милиции в форме и в гражданском, а также действиями демонстрантов.

Информационный отдел «Вясны-96»

50 лет Всеобщей декларации прав человека

Заявление Беларусского Народного Фронта «Адраджэньне»

10 декабря 1948 года всем цивилизованным миром была принята Всеобщая декларация прав человека, которая впервые объявила о намерениях этих стран соблюдать неотъемлемые права личности.

БНФ «Адраджэньне» утверждает, что сегодняшний режим А.Лукашэнко и через пятьдесят лет после принятия Декларации нагло нарушает значительную часть ее основных статей, бросая вызов цивилизованному обществу, совершая насилие над беларусскими гражданами.

Вся деятельность БНФ «Адраджэньне» направлена на соблюдение прав человека в Беларуси, на реализацию Всеобщей декларации прав человека в общественной жизни страны.

Мы призываем людей Беларуси последовательно отстаивать свои права, не бояться открыто поднять свой голос против лжи и лицемерия сегодняшней государственной политики в области прав человека.

Мы требуем свободы для политзаключенных Аляксея Шыдловского, Уладзимира Плешчанки, Уладзимира Кудзинава, Андрэя Климава, Рыгора Кийко, Уладзимира Лыско.

Пусть живет свободная демократическая Беларусь!

г. Минск 15.11.1998 г.

Игар Гермянчук является главным редактором независимой газеты «Свабода» с апреля 1991 года. 24 ноября 1997 года «Свабода» была официально запрещена беларусскими властями. С 16-го января 1998 года газета издается под названием «Навіны». Игар Гермянчук говорит: «Президент Лукашэнко не прячет своего недовольства в отношении нашей газеты, и это недовольство в свое время закончилось тем, что он запретил газету под названием «Свабода».

В ночь на 1 ноября 1998 года офис редакции газеты «Навіны», который находится на первом этаже жилого дома по улице Змитрока Бядули, был ограблен. Следствие по делу ведут сотрудники Партизанского РОВД г. Минска.

— Господин Гермянчук, расскажите подробно, что у вас произошло в ночь на 1 ноября?

— Чрезвычайное происшествие, в результате которого на некоторое время была парализована работа редакции — сорван выход газеты. В воскресенье мы, как обычно, пришли на работу и увидели, что офис нашей редакции ограблен. Грабители влезли в помещение через окно. Все компьютеры были демонтированы, причем взяли только процессоры, а мониторы остались. Они взяли процессоры не целиком, а забрали всю начинку из них. Из редакции также вынесли факс. В результате мы не смогли выпустить очередной номер газеты. Естественно, мы сразу же вызвали милицию. В редакции сотрудники милиции начали следственные действия: искали отпечатки пальцев и все остальное. Было заведено уголовное дело, и районный отдел милиции начал следствие. Тем временем мы должны были продолжать выпуск газеты. Мы не могли себе позволить, чтобы газета долго не выходила. Один выпуск был сорван, но уже на следующий день газета вышла. Мы отдолжили два компьютера, это мало, но все же позволило нам возобновить выпуск газеты. Теперь мы вот с такой ограниченной техникой, которую взяли в аренду у наших друзей, выпускаем газету.

— Как вы оцениваете это происшествие?

— Это ограбление какое-то подозрительное, так как в редакции были другие ценные вещи, кроме компьютеров. Был телевизор, стоял сейф, который грабители легко могли вскрыть, но никто этого даже не пытался сделать. Украли именно процессоры. Поэтому мы не исключаем, что это могло быть сделано не для того, чтобы украсть наши материальные ценности, а чтобы завладеть нашим банком данных, информационными ресур-

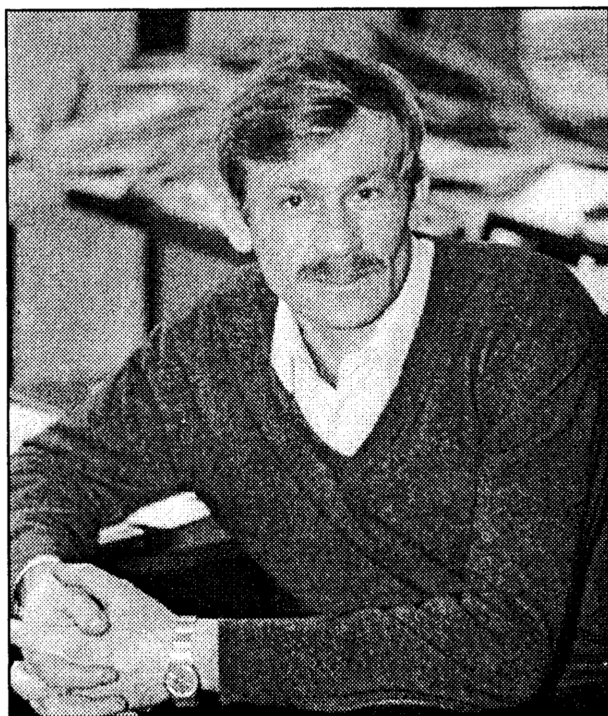
Игар Германчук: «У нас всегда были непростые отношения с властью!»

сами, которые накапливались восемь лет. Это одна цель, вторая — чтобы лишить нас этих ресурсов, парализовать нашу работу.

Таким образом, урон, нанесенный нам, оценивается в 3 тысячи долларов, однако намного более ценны те полезные ресурсы, которые мы потеряли. В частности, у нас были такие солидные базы данных: различные архивные материалы и более 2 тысяч фотоснимков, существовавших только в электронном виде. Когда все это пропало, то, безусловно, труднее выпускать газету. Мы заявили следствию, что не исключаем, что это дело могло быть совершено одной из спецслужб Республики Беларусь. Мы настояли, чтобы наша версия была отражена в протоколах следствия. Следователи согласились вписать эту версию, но сказали: «Вы же понимаете, что мы не имеем полномочий для расследования этой версии». Поэтому мы настояли, чтобы в протокол была внесена еще одна наша позиция: «Мы считаем, что следствие по этому делу должна вести Генеральная прокуратура». Это потому, что практика показывает, что все преступления, которые совершались против редакции нашей газеты или против меня как главного редактора, почему-то расследовались на низовом уровне, и почему-то все они остались нераскрытыми. Ситуация такова: в стране раскрывается 90-80% преступлений, а преступления против нашей газеты попадают в те 10-20%, которые не раскрывают.

— Преступлений против вашей газеты было много?

— Аналогичное преступление — кража компьютера, причем только процессора, было совершено два года назад из моего частного дома. В доме также находились достаточно ценные вещи, но почему-то украли только процессор. Кроме того, было еще одно не очень приятное происшествие для меня и моей семьи в феврале 1997 года. В окно моего рабочего кабинета был сделан прицельный выстрел. Мы вернулись вечером с семьей домой и увидели, что стекло пробито пулей. Самое неприятное то, что пуля прошла как раз через то место, где я обычно сижу за столом, когда каждый вечер и каждую ночь поздно работаю. В это время виден свет в окне, виден

силуэт человека. Таким образом, я понимаю, что этот выстрел был сделал с целью предупреждения. С целью запугать, повлиять на меня как на редактора, чтобы газета стала более лояльной к президенту и его политике. Сотрудники милиции, которых я вызвал, приехали, все осмотрели и нашли пулю. Они поинтересовались у меня: «Кто это вас таким образом предупреждает?» Я сказал: «У меня нет иных врагов, кроме президента Лукашэнко и его людей!» Вот два красноречивых примера, когда преступления остались нераскрытыми. Поэтому я боюсь, что и эту кражу из офиса редакции может ожидать судьба нераскрытого преступления.

— А со стороны официальных властей какие репрессии были относительно вашей газеты?

— У нас всегда были непростые отношения с властью. При коммунистах это было полуподпольное издание. А с приходом Лукашэнко к власти газету стало делать даже труднее чем при коммунистах. Лукашэнко начал с того, что пытался нас задушить экономически. Были специально сформированы бригады налоговых инспекторов, которые пришли в редакции независимых газет, в том числе и в нашу, с целью выявить налоговые нарушения. Никаких налоговых нарушений они выявить не смогли. Тогда они нашли такое, по их мнению, нарушение, что мы часть газет распространяем бесплатно в рекламных целях. Они обвинили нас в том, что мы эти газеты продали, а выручку не оприходовали. За это на нас наложили огромный штраф. Однако в результате этих акций налоговых инспекторов им не удалось остановить выпуск газеты. Тогда власти начали действовать более жестким образом.

В 1997 году начали арестовывать журналистов во время освещения ими демонстраций оппозиции. Одна акция, я помню, проходила в марте 1997 года — молодежная манифестация, недозволенная властями. Естественно, молодежь пошла на манифестацию. Естественно, я послал на эту акцию одного из корреспондентов. Затем мы получили по сотовой связи сообщение, что он был арестован милицией. Тогда я направил на место событий еще двух журналистов, и их также арестовали на подходе к месту акции. В один вечер были схвачены три наши журналиста. А всего в этот вечер было арестовано около 20 журналистов. Их, безусловно, выпустили через 4-5 часов, но без всяких объяснений. Я требовал, чтобы прокуратура провела расследование, но мои настойчивые требования были проигнорированы. Таким образом, в 1997 году начало применятся насилие против журналистов.

Потом нашу газету пытались выселить из помещения, которое мы арендовали у государственной организации. А затем президент Лукашэнко, в конце концов, решил запретить газету. В результате пятнадцатиминутного судебного разбирательства, которое было формальным, суд запретил газету. Формально это сделал суд, хотя достоверно было известно, что это распоряжение Лукашэнко. 24 ноября 1997 года газета «Свабода» была запрещена. Она выходила 8 лет, а за 15 минут ее запретили. Нам пришлось все начинать с нуля: с нового названия и нуля читателей. У «Свабоды» был тираж в 50 тысяч экземпляров, а теперь «Навіны» выходят три раза в неделю, но не дотянули уровня «Свабоды» — имеют тираж в 22 тысячи экземпляров. Не исключено, что и газета «Навіны» будет запрещена. Но пока будет легальная возможность выпускать газету, мы будем выпускать ее легально. Не будет такой возможности — мы будем делать это нелегально.

Беседовала
Палина СЦЕПАНЕНКА

В конце октября 1998 г. по приглашению Правозащитного Центра «Вясна-96» город Минск посетила делегация, представлявшая шведскую организацию «За мир и арбитраж» и газету «Пакс» («Мир»).

В Беларуси молодые шведские пацифисты были впервые, и поэтому стремление познакомиться с разными аспектами жизни нашей страны было очевидным.

Опасная зона

Светлогорск

На сегодняшний день этот город волнует беларусскую общественность проблемой распространения наркомании и ВИЧ-инфекции среди молодежи. С чем это связано? Светлогорск — так называемый «Молодой город», он был построен в 1961 году на месте местечка Шацилки. Город маленький, компактный, все один одного знают. Если во дворах среди подростков появляется новое увлечение, оно очень быстро распространяется. «Мода» на наркотики в Светлогорске пошла из России — Москвы и Ленинграда, куда светлогорская моложежь ехала учиться. Там они учились и постигали «науку» употребления и изготовления наркотиков.

Как рассказали нам в общественном центре «Родители за будущее детей», в городе и районе со стотысячным населением официально зарегистрированы тысяча триста ВИЧ-инфицированных. Но это только официальная статистика — на самом деле их значительно больше. Сотрудник реабилитационного центра Уладзимир Раманцов сообщил: «По уровню ВИЧ-инфицированных на количество населения Светлогорск занимает шестое место в Европе».

Уладзимир Раманцов рассказал о ситуации: «В июне 1996 года были выявлены три случая ВИЧ-инфекции среди наркоманов. До этого времени в Республике Беларусь было зарегистрировано 186 случаев ВИЧ-инфекции, но, начиная с 1996 года, количество ВИЧ-инфицированных начало расти катастрофически быстро. В основном это наркоманы, однако существует около 100 случаев, связанных с передачей инфекции половым путем. 26 детей уже родилось от ВИЧ-инфицированных женщин».

В центре «Родители за будущее детей» нам сказали, что «новая молодежь» Светлогорска уже меньше увлекается наркоманией — подростки боятся инфекции. В последнее время для наркоманов в городе открыты два анонимных «пункта доверия», где наркоманы могут заменить шприцы, получить презервативы, а также консультацию и помощь. Кроме того, ведется просветительская работа среди населения. Но жителями города эта проблема воспринимается неоднозначно. Многие возмущаются тем фактом, что наркоманам выдают бесплатные шприцы в то время, когда в больницах и поликлиниках их не хватает.

Житель деревни Липа Алег Досав угощает нас мёдом.

Управление внутренних дел стремится вести борьбу с распространением наркотиков, однако милиционерам проще поймать наркомана, чем выявить того человека, который поставляет наркотик. Сотрудники центра убеждают милицию не избивать наркоманов, объясняя это тем, что из-за этого они рискуют сами заразиться СПИДом.

Гомель

В областном центре нашу группу ожидали непредвиденные неприятности. В восемь часов мы приехали в гостиницу «Гомель», но администрация отказалась заселить шведскую делегацию, ссылаясь на отсутствие паспортов с визами, которые остались в Минске. Это вызвало непонимание шведов. При себе они имели удостоверения личности и водительские удостоверения. Для их страны этого достаточно, чтобы заселиться в любую гостиницу. Пришлось ехать в другую гостиницу и объяснять ситуацию, в которой очутились наши гости. Представители администрации долго колебались, попросив нас всех подождать, пока звонили в областной Комитет Государственной Безопасности. Оттуда был дан приказ: «Заселять!» Нам вежливо предложили номера. Поужинав в местном ресторане, все пошли отдыхать, чтобы утром продолжить путешествие. Но спокойно лечь спать не удалось — в гостинице появилась сотрудница милиции, которая угрожала посадить взволнованных шведов в КПЗ, и, в конце концов, забрала белорусские паспорта у членов Правозащитного Центра «Вясна-96». В тот же вечер документы были переданы в управление внутренних дел Центрального района г. Гомеля. Утром пришлось ехать их забирать. В милиции нас уже ожидали представители гомельского КГБ. Выяснилось, что это они насла-

ли милицию, чтобы «задержать» шпионов. Кроме сотрудницы организации «За мир и арбитраж» Линды Исаксон, никто из шведов не владел русским языком, однако аббревиатуру КГБ всем приходилось слышать не один раз.

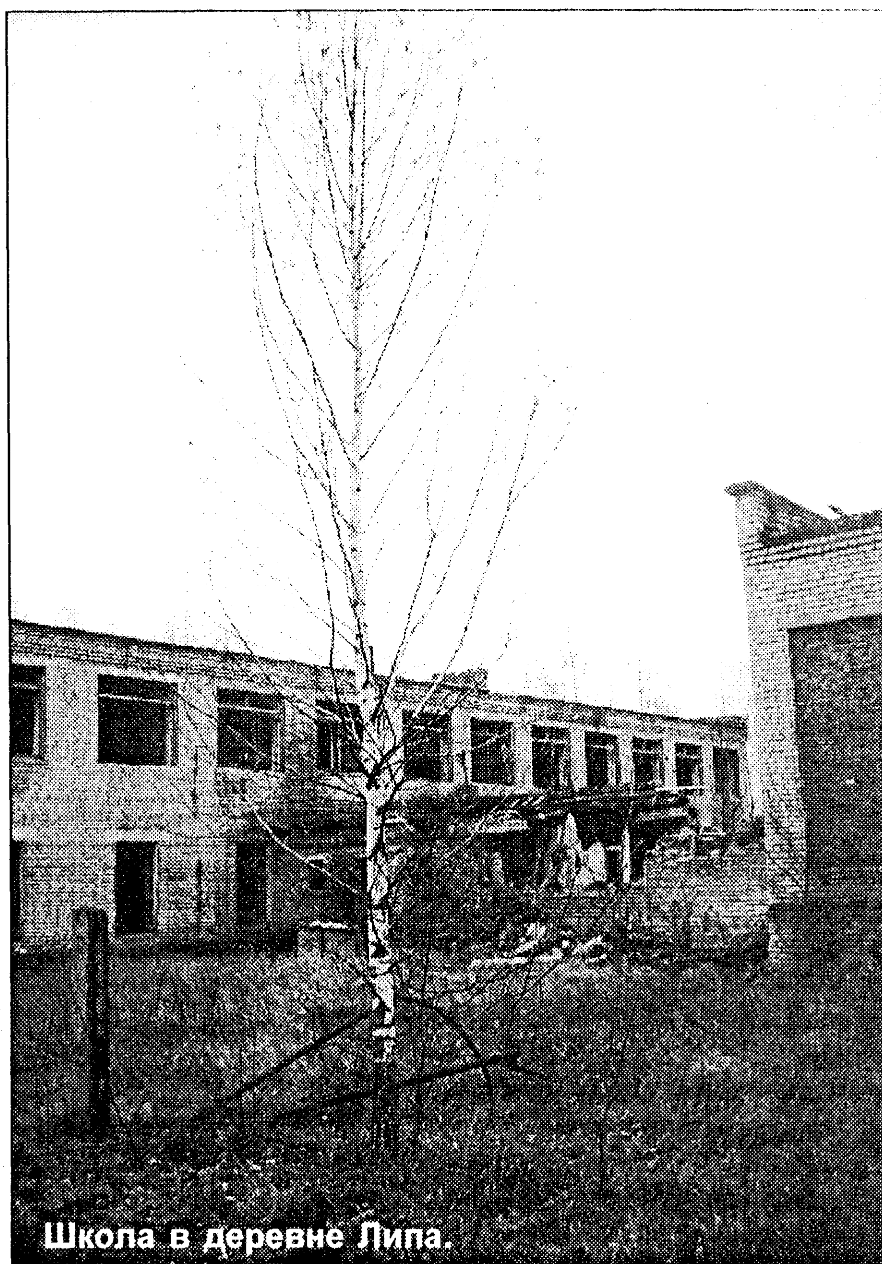
Представители спецслужб более всего интересовались целью приезда граждан Швеции на Гомельщину и главным направлением деятельности их организации. Когда сотрудник КГБ задал вопрос, чем занимается организация «За мир и арбитраж», наш водитель ответил: «Оружием!» Этот ответ насторожил гомельских чекистов, они чуть было не бросились обыскивать автомобили, в которых кроме подарков для людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, и личных вещей, ничего не было. В разговор пришлось вступить г-ну Бяляцкому, который объяснил, что шведы являются пацифистами и борются против распространения оружия, в частности, противопехотных мин. Никакого компромата сотрудники областного отделения КГБ и Центрального управления внутренних дел не смогли найти, однако пополнить городской бюджет за счет беспаспортных шведов решили — обвинили их в нарушении паспортного режима и взыскали штраф в размере 4 млн. бел рублей.

Радиационные деревни

Подготовив дозиметры, мы направились в Буда-Кашалевский район, чтобы увидеть территории, пострадавшие от Чернобыльской катастрофы.

Первая наша остановка — бывшая деревня Липа. В начале 80-х это была большая деревня. Когда построили новую школу, сюда начала переезжать молодежь со всех окрестностей.

В 1991-1992 годах деревню Липа зарыли. Теперь из 300 дворов тут остались заброшенные сады, разграбленная школа, полуразрушенное здание магазина и единственный жилой дом, около которого мы встретили ее хозяина — Алега Досава. Алег был рад неожиданным гостям и с удовольствием разговаривал с нами. Его нисколько не пугали цифры на наших дозиметрах. Алег Досав, которому в то время, когда зарывали Липу, было 33 года, категорически отказался покидать свои родные места. Живет Алег с матерью и женой. Дети приезжают только на выходные — они живут в Гомеле, где посещают школу. У Досава спросили: «Не скучно ли тебе без соседей?» Он ответил: «Единственная моя мечта, что однажды я проснусь, и все будет как раньше: деревня оживет, возвратятся все соседи. Но это невозможно... Соседи приезжают сюда с тех мест, куда их переселили. Они целуют те деревья, которые садили. Сады стоят, их не зарывали».

Школа в деревне Липа.

Доброжелательный хозяин угостил нас медом, который шведы, привыкшие к экологически чистым продуктам, есть отказались.

Проехав немного дальше, мы увидели курганы от зарытых деревень Закрэвье, Борки, Курган, Харашевка. Только местные жители могут засвидетельствовать, что совсем недавно на этих местах жили люди.

Деревня Халочча Чачерского района выселена, но не зарыта. Из 250 дворов там осталось 8 хозяйств. Местные жители называют свои хозяйства хуторами. Два раза в неделю сюда приезжает автолавка, которая привозит тушенку, водку и хлеб. Один из хозяев рассказал, что очень часто сюда наведываются уголовники, занимающиеся грабежом. У него на прошлой неделе украли 16 кур. Было больно смотреть на грустные лица жителей заброшенных деревень.

Шведские гости покидали Беларусь. На прощание Ольса Карлман сказала: «Все, что мы увидели здесь, очень напоминало фильм, в котором мы сами участвовали, в котором можно смеяться и плакать. И мы увидели, что очень часто люди в вашей стране смеются, когда хочется плакать».

Микола СЦЕПАНЕНКА

Деревня Халочча.

(Начало на стр. 1)

2 ноября могилевские предприниматели провели однодневную забастовку в знак протеста против политики притеснения, которую проводят городские власти по отношению к продавцам на рынке. Над пустыми прилавками на могилевских рынках были вывешены плакаты: «Извините, у нас забастовка». Сотрудники милиции требовали снять плакаты, угрожая штрафами «за проведение несанкционированного пикета». На открытых собраниях Свободного профсоюза частных предпринимателей, которые проходили в этот день на «Приднепровском» и «Привокзальном» рынках, предприниматели высказали решительность отстаивать свои права. После проведения собрания на «Привокзальном» рынке были предприняты попытки задержать представителя могилевской областной организации Свободного профсоюза Сяргея Абадовского, но сотрудники милиции, увидев возмущение людей, отпустили предпринимателя.

2 ноября по инициативе независимой газеты «Наша Ніва» была проведена акция «День языка». Акция направлена на расширение сферы употребления родного языка и против ограничения прав беларусскоязычных граждан. В этот день всем, кому не безразлична судьба беларусского языка, предлагалось говорить на нем не только дома, но и в общественных местах.

3 ноября в Солигорске официальный профсоюз объединения «Беларуськалий» вывел на улицы 6 тысяч шахтеров. На городском стадионе состоялся митинг, на котором рабочие требовали от правительства повышения заработной платы и пенсий соответственно росту цен.

4 ноября в Солигорске состоялся митинг шахтеров, организованный Независимым профсоюзом, посвященный защите прав трудящихся. В митинге участвовало более 3 тысяч человек. Профсоюз горняков ожидает от правительства решения шахтерских проблем до 1 декабря. В противном случае Независимый профсоюз собирается объявить в Солигорске предзабастовочное положение.

4-5 ноября в Гродно остановилась торговля на обоих вещевых рынках — «Центральном» и «Южном». По словам руководителя профсоюза предпринимателей В.Леваневского, торговцы сознательно пошли на потери (примерно 3-4 млн. бел руб. каждый). Акция протеста была проведена в знак солидарности с рабочим движением.

4-5 ноября бастовал рынок в Слониме.

5 ноября в Мостах был проведен разрешенный властями митинг в защиту прав трудящихся.

5 ноября в очередной раз могилевский горисполком запретил Свободному профсоюзу проведение демонстрации с экономическими требованиями от Савецкой площади до площади Ленина. Проведение митинга разрешили в безлюдной части города.

В начале ноября брестский горисполком принял решение о том, что любые массовые мероприятия можно проводить только в одном месте — на стадионе «Строитель», который находится на окраине города.

5 ноября большая часть предпринимателей, торгующих на минском стадионе «Динамо», не вышли на работу. Инициатива исходила от Республиканского профсоюза работников кооперативов, малых предприятий и других форм предпринимательства «Содружество». Профсоюз призвал поддержать шествие и митинг рабочих 5 ноября. На призыв профсоюза откликнулись предприниматели других рынков столицы — «Червенского» и «Ждановичи».

События Факты Комментарии

5 ноября 1998 года в Минске около станции метро "Тракторный завод" состоялся санкционированный митинг, организованный Свободным профсоюзом (СПБ). Митинг проводился против падения жизненного уровня населения Беларуси, за повышение заработной платы трудящихся. В акции приняло участие около 2 тысяч человек. Участники приняли резолюцию. После митинга около 500 человек направилось к резиденции президента, чтобы передать резолюцию митинга. Участники несли бело-красно-белые флаги, флаги Свободного профсоюза и лозунги: "Зарплату!», «Нас всех довели!» После окончания шествия было задержано 10 человек.

5 ноября, после шествия трудящихся, был задержан наблюдатель Правозащитного Центра «Вясна-96» Вадзим Канапацки. Суд над В.Канапацким отложен на 17 ноября.

6 ноября заявительнице митинга Свободного профсоюза М.Алиевой и ее дочери, а также журналистке И.Жыхар сотрудники милиции вручили судебные повестки в их квартирах.

6 ноября 1998 года в Партизанском суде г. Минска состоялись судебные процессы над задержанными 5 ноября. Кроме того, в здании суда был задержан журналист Валеры Щукин. Троим задержанным: Лазарчык А., Жыхар И. и Алиевой М. суд вынес предупреждения. Остальным судебные процессы перенесены на 12, 16 и 18 ноября 1998 года.

7 ноября Молодой Фронт отметил очередную годовщину большевистского переворота пробегом по Минской кольцевой автодороге.

В ночь на 7 ноября в Жодино взорвали памятник В.Ленину. Взрывом памятнику оторвало голову.

7 ноября в г.Бресте во время коммунистического митинга на площади около памятника Ленину появились члены брестского филиала Молодого Фронта (пять человек). Они развернули плакат: «Поздравляем с праздником жертв и палачей». Кроме этого, молодофронтовцы принесли к памятнику Ленину мешок сахара, к которому прикрепили плакат: «Сахар на халяву!» Они предлагали пенсионерам бесплатный сахар. Однако попользоваться им никто не успел, так как молодофронтовцами заинтересовалась милиция, потребовавшая от участников акции паспорта. «Вы нарушаете общественный порядок!» — заявил сотрудник милиции. «Мы только хотели помочь старикам», — ответил один из участников акции рабочий Сягрей Грынь.

9 ноября в 11 часов утра в суде Партизанского района судили председателя Правозащитного Центра «Вясна-96» Алеся Бяляцкого. Судья Трубникав М.А. обвинил его в нарушении статьи 167-1, часть 2 Кодекса об административных нарушениях. Суд вынес Алесю Бяляцкому предупреждение.

10 ноября 1998 года в Минске на площади Якуба Коласа состоялся санкционированный пикет гражданской инициативы «Хартыя-97». Пикет был посвящен годовщине создания «Хартыи-97». За год своего существования «Хартыя-97» собрала более 100 тысяч подписей граждан против диктатуры и за независимость Беларуси. Участники пикета держали плакаты: «Хартыя-97», «Лукашэнко в отставку». Особое внимание милиции и людей привлек плакат, который держали беларусские рок-музыканты: «Диктатура — г...о!» Плакат не понравился милиции, которая предупредила пикетчиков, что на нем написано нецензурное слово. На запрос музыкантов милиция не уточнила — которое из двух слов, по их мнению, является нецензурным. Через пятнадцать минут рок-музыканты Лявон Вольски, Вячаслав Корань, журналисты Алег Бябенин и Микалай Халезин были задержаны и доставлены в Савецкий РОВД г. Минска.

12 ноября 1998 года в центре Минска (на улице Интернациональной, около Академии музыки) Правозащитный Центр «Вясна-96» организовал пикет в защиту гражданских прав. Пикетчики держали в руках портреты политзаключенных, а также плакаты: «Беларусь рождена быть свободной», «Свободу политзаключенным, членам БНФ «Адраджэньне» — У. Плешчанко, А.Шыдловскому». На одном из плакатов был нарисован красный сапог, который грубо топчет Всеобщую декларацию прав человека.

12 ноября 1998 года в суде Партизанского района г.Минска судили водителя Минского автозавода Микалая Раманава. Микалай Раманав — один из участников митинга, организованного Свободным профсоюзом 5 ноября 1998 г. Судья Микалай Трубникав, руководствуясь показаниями свидетелей (в качестве которых выступали сотрудники милиции), вынес решение — трое суток административного ареста.

Информационный отдел «Вясны-96»

УНА-УНСО в Минске,
или как разоблачаются «террористы»

УНА-УНСО — крайне правая украинская организация. Судебный процесс над членами УНА-УНСО в Минске был проведен в 1996 году показательно и необоснованно сурово с целью устрашить всю беларусскую оппозицию, а также связать ее в глазах беларусской общественности с украинскими праворадикалами.

Вряд ли имело бы смысл вспоминать сегодня события двухлетней давности, если бы не то, что в следующем году в стране должны состояться выборы президента. Именно во время подготовки выборов или референдумов команда Лукашэнко особенно тщательно «выискивает» и «разоблачает» противоправительственные организации. Опыт уже есть: ровно два года назад автору этих строк был предъявлен ордер на арест в связи с подозрением в «создании терроритической организации, которая ставила цель изменить существующий строй при помощи зарубежного центра». Было мне тогда 23 года, и фотография «девочки с косичками», которая появилась на страницах некоторых газет, как нельзя лучше отражала абсурдность происшествия.

В тот день мы с женихом попили утром кофе в гастрономе напротив КГБ и вместе с друзьями пошли в Куропаты — были Дзяды. В течение нескольких часов за нами «шли», а «группа захвата» сидела в засаде в сушилке общежития. «Брали» нас жестоко: пинками раскидали по разным углам, приказали «не рыпаться» и, ничего не объясняя, начали обыск.

Это оказалось сложным делом, так как в комнате кроме меня жили еще три девушки, также владелицы стопок книг, кассет и разных бумажек. Следователь Алег Дрозд, мужчина в галстуке в горошек (как выяснилось сразу — сын моего преподавателя, с которого мы всегда насмехались из-за склонности к бутылке), приказал «брать все, что есть» и везти нас в РОВД. Кроша сапогами разбросанную по полу косметику, он рассматривал «взятое»: мой личный дневник, несколько черновиков и фотографий, брошюра «политического» содержания, кассета Виктара Шалкевича из-за беларусского языка тоже попала в «крамолу», а также стопка листовок о суде над «украинской семеркой». Листовки уже успели устареть и достались мне от друга из Украины в качестве чистой с одной стороны бумаги (на них в основном были черновики стихов). Листовки и два экземпляра УНСОвской газеты следователя особенно порадовали — факт «принадлежности к УНСО» был налицо. Оставалось только «посочувствовать» мне, пожелать побыстрее морально распрощаться с работой, свободой, университетом и женихом, нацепить «браслеты» и затолкать в машину. Этими делами занимался оперуполномоченный Аляксандр Кузмицки.

Сначала допрос напоминал игру. Но когда игра затянулась и очевидно зашла в тупик, Дрозд заметно разозлился и вышел «покурить». Тут и началась обычная практика «доброго» и «злого» следователя. «Злой» Кузмицки молча кинул меня на пол, пнул ногой, и, щелкая над глазами ножницами, заревел: «Что, сука, молчишь?» Но едва ли кто мог бы мне подсказать, что отвечать, если от тебя требуют подтвердить, что «гоподин Х» (называлось имя известного оппозиционера) давал тебе пистолет и учил им пользоваться. Поняв, что нужно молчать (хуже не будет), я окончательно «поникла», а Кузмицкий окончательно рассвирепел. Избиение остановило только то, что Дрозд услышал из коридора треск разломанного стула —единственного в его «пыточной», и быстренько прибежал играть дальше роль «доброго» следователя.

Неуютно во время экзекуции чувствовал себя, видно, только молоденький лейтенантик, мой конвоир. Ему, по всей вероятности, приходилось участвовать в подобных делах, но тут вместо воришки оказалась «организатор государственного переворота», которой по статье 61 УК РБ «светило» от 10 лет и более. Поэтому он немного расчувствовался и по дороге в туалет сунул мне в карман несколько сигарет и шепнул, что моего жениха хоть и сильно избили, но в 12 ночи должны отпустить. Это немного порадовало, однако подаренное несколько дней назад обручальное кольцо исчезло «пока что» в кармане следователя Дразда. Больше этого кольца я никогда не видела.

В скором времения появилось еще одно действующее лицо — Арцвик Мадаян, также следователь Московской прокуратуры. Он, дыша перегаром, сразу же начал жаловаться на то, что его «сняли» с какого-то дня рождения, поэтому он зол и ему меня жалко.

До сих пор для меня осталось тайной — когда и как я «успела отказаться» от своего адвоката. Он, оказывается, все время был рядом, правда, за дверью, так как ему объяснили, что я «не желаю» его присутствия. И это в то время, когда я требовала позволить мне встречу с ним!

Здесь стоит коротко объяснить, почему все же именно автору этой статьи выпала честь «стать во главе» мифического переворота. Эта история началась во время судебного прцесса над УНСОвцами, арестованными за участие в «Чернобыльском шляхе» в 1996 году. Новые друзья продали нам несколько книжек, чтобы купить продукты и сигареты для заключенных. Эта наша «благотворительность» и была использована для того, чтобы «разоблачить» террористическую организацию. Ее «членов» на следующий день находили по принципу: «те, кто рядом». Вызвали на допрос и законопослушную подругу из «Беларускай нівы», и моих практикантов из журфака, и даже девчат-соседок по общежитию, которые никогда не держали в руках иной прессы кроме газеты с кроссвордами. Одной из подруг выпало больше других — ее часами возили в машине по городу «оперы», пугая всевозможными карами.

Когда мне сообщили, что три дня придется провести в камере предварительного заключения, я вздохнула с облегчением. Это только на третьи сутки я начну сходить с ума от клаустрофобии, ожидая очередного допроса. Мне попала в сокамерницы молодая рецидивистка, от рассказов которой у меня начала «ехать крыша», так как каждую историю она начинала с очередного совета, как вести себя на «зоне». Но в конце концов мы даже подружились.

Последний допрос у следователя. Хотя мой адвокат и успел сказать мне, подскочив на минутку к «воронку», что меня отпустят под подписку о невыезде, «разговор» длился часов семь. Взрослый 40-летний человек печатал раз 10 на машинке мою «подписку» и... рвал ее, словно решая: отпустить — не отпустить. Предъявить (или не предъявить) обвинение мне должны были через 15 дней.

Друзья, жених и украинский депутат Алег Витович делали тогда что могли — писали в газеты и посольства. Остальные безнадежными голосами пытались уверить, что все обойдется...

Все и обошлось, обвинения мне так и не предъявили, отобранных вещей, в том числе личных бумаг и обручального кольца, назад не отдали. Но мы поженились и без него. Законопослушная подруга из «БН» вышла замуж за моего адвоката, и за эти два года у них, как и у других «минских УНСОвцев», родились дети. Молодые родители больше всего боятся следующего года, так как убеждены — «что-то будет»: референдум и, возможно, новая «террористическая организация». Снова за кем-то придут.

Ц. ПАЛЫНСКАЯ

Андрэй Мельников

Путешествие за решетку

Комната три двадцать на два со сводчатым потолком. Толстенные стены создают сразу же за дверью натуральную нишу. За ней справа — место для отправления нужд, дальше — кран с раковиной. Слева — вертикальная батарея отопления и немного свободного пространства. Бетонный пол. В дальнем конце камеры, выше уровня глаз — окошко за решеткой, тоже с нишей. Ближе к окну, с двух сторон — двухъярусные металлические нары, постеленные ДСП.

На нарах — пять осужденных. Два человека имеют лет под сорок. Высокий, бритый, остриженный налысо дядька интеллигентного вида в мягкой клетчатой рубашке и второй, простоватый усатый и довольно длинноволосый, с цыганистым худощавым лицом. Трое помоложе. Круглолицый невысокий шут, словно вынутый из рекламного ролика о счастливом семейном быте (по иронии судьбы, позже выяснится, осужден на год «зоны» за невыплату алиментов), и два налысо остриженных парня в черном — высокий и маленький.

Здороваюсь. Встречают доброжелательно. Отчасти лица знакомые —вместе были в «стакане». Подсаживаюсь на нары слева. Высокий парень — московско-лидский анархист Валера видел, оказывается, как-то меня по телеку с гитарой. Чувствую приятное дуновение славы. Тут и мое «стакановское» участие в разговоре о правах человека в неволе повлияло, и то, что одиннадцатые сутки голодовку держу (также в «стакане» сказал после того, как валидол привел меня в порядок). Хорошее начало в тюремном коллективе.

Коллектив, меж тем, достает из «кешеров» сало, хлеб, лук и приглашает меня приобщиться к приему пищи. Вежливо отказываюсь, голодовку собираюсь продолжать. Есть никто не заставляет, но «интеллигент» в рубашке, явный лидер группы, берется за небольшую лекцию для меня по тюремным голодовкам.

«То, что ты десять дней голодал на ИВСе — глупость. Там до этого никому нет никакого дела. Только здоровье попортил. Тут голодать ты можешь для них, — показывает в сторону дверей, — а в «хате» ешь сало, шоколадки. Голодать в тюрьме — значит отказываться от «положняковой» (выданной государством) пайки. «Дачки» (передачи) «по понятиям» (законам тюремного коллектива) не учитываются. И если они есть, человек способен «голодать» месяцами».

Когда идешь на голодовку, нужно написать заявление, в котором формулируешь, чего добиваешься. Без заявления голодовку просто не заметят. Таким образом, ты голодаешь. Тебя начинают вызывать к «куму» (оперсотруднику). Он уговаривает тебя не голодать. День, два, три... Потом тебя переводят на «кичу» (в карцер), где продержат дней пять, затем начнут кормить насильно, через шланг. Таких голодающих много. Как правило, они ничего не добиваются и знают о них немногие. На успех можно рассчитывать только при поддержке. Это значит, или когда голодает одновременно большое количество зеков, или, как в моем случае, когда я могу рассчитывать, что информация о моих голодовках доходит на свободу и там поднимается шум.

Первый урок реализма. Нет, я не жалею, что голодал на ИВСе. Кроме более легкой адаптации в тюрьме, жизнь без пищи подтолкнула к новому восприятию реальности — более трезвому.

Через короткое время после «лекции» я вышел из голодовки. Выход произошел через «чиф», заваренный Интеллигентом. Чтобы заварить «чиф» при отсутствии электричества в камере, используют «дрова» и «кабанчика». Можно, как известно, попытаться соорудить «паутину» (электроцепь) от лампочки. В стационарных камерах («хатах») люди так и делают. Берется электропровод (например, от перегоревшего кипятильника), расплетается, и вот из двух-четырех тоненьких медных проводков делается электроцепь. Остальные проводки остаются в резерве, на случай, если конфискуют «паутину», будет из чего мастерить следующую. Да и тоненькую электроцепь легче замаскировать — небольшая канавка в штукатурке и — сверху снова штукатурка: мелом или зубной пастой. Если сделаешь аккуратно — найти трудно. Даже при «шмоне» (обыске). При отсутствии проводков «паутину» приспосабливаются делать даже из фольги из-под шоколадок. Но на «карантине» — месте содержания зеков до прохождения ими медкомиссии и санобработки — заниматься изготовлением и установлением «паутины» нерационально. Быстрее и проще соорудить «дрова». Для «дров» лучше всего подходят изделия из натуральных волокон: махровые полотенца, хлопчатобумажные рубашки, джинсовка. Жалеть не нужно — «на тюрьме» вообще жалеть чего-то или кого-то не стоит. Вообще, тема неизбежности жертв в условиях тюремного коллектива заслуживает отдельного серьезного исследования. Условия скученности и несвободы ведут к возрастанию агрессии. Агрессивность вынуждена подавляться. Ситуация требует жертв. И жертвовать личными вещами, даже если их совсем мало — самое безобидное, а поэтому, наверное, и целесообразное. Ничего не жалейте, если попадаете в тюрьму!

Мой сокамерник просто отрывает рукава своей рубашки и делает из куска одного из них факел. Берется также кусочек «кабанчика» (сала), чтобы тот факел хорошо горел. Кто-то становится «на глазок» — прикрывает собой глазок на двери, чтобы запрещенный процесс не увидели снаружи. Человек «на глазке» — обязательная деталь при проведении любых запрещенных действий, если они могут быть замечены ментами. А таких действий хватает.

«Чиф» варится в прокопченном уголке около «баяна» (рифленой батареи отопления). Вот продукт и готов. Алиментщик от «чифа» отказывается, тусуется рядом с «глазком». Употребляем продукт, пуская кружку по кругу. Традиционно делается по два глотка за один заход и последним пьет тот, кто «чиф» готовил. Ограничиваюсь одинарными маленькими глотками, тревожно прислушиваясь к организму. Как отреагирует? Не будет ли сердце рваться из груди? Нет, ничего плохого. Даже немного согреваюсь, хоть и говорят, что «чиф» съедает все калории. На закусь после «чифа» кто-то раздает карамельки. Вновь тревожно наблюдаю за реакцией желудка. Все — о'кей!

Затем был еще «чиф», уже с кусочками сала, хлеба и лука на закусь. В камеру подселили еще двух. Худой длинный «сотчик» (так называют тех, кто проходит по статьям «убийство»), ему еще «шили» изнасилование, перед нами отрицал оба обвинения, «чиф» пить не стал, сказал, что «завязывает».

(Продолжение. Начало в №№ 15-20)

(Продолжение следует)

Права на волю. Бюлетэнь Праваабарончага Цэнтру "Вясна-96". Рэдактар Алесь Бяляцкі.
Выходзіць два разы на месяц на беларускай, англельскай і рускай мовах. Наклад 299 асобнікаў.
Адрас рэдакцыі: 220007 Менск, а/с 88. E-mail: rights@v96.open.by

У нумары скарыстаны фотаздымкі У. Сапагова, малюнкі і здымкі з архіва Цэнтра "Вясна-96"